

Александр Бычков

Рецензия на книгу «Психология и христианство: пять взглядов»

Ерік Джонсон та співавтори. Психологія і християнство: п'ять поглядів. Київ: А. В. Паливода, 2018.

Книга «Психология и христианство: 5 взглядов» на украинском языке была издана Украинской евангельской теологической семинарией в 2018 году. Книга вошла в серию из пяти томов, посвященных развитию служения украинских церквей в сфере психологии, душепопечения и консультирования как ответ на актуальные в наше время вызовы. Рассматриваемый том особенно важен тем, что описывает непростую историю взаимоотношений христианской веры и психологической науки и представляет основные современные подходы к этой проблематике, существующие в христианской церкви. Каждый из взглядов, изложенных в этой книге, описан одним из влиятельных его сторонников. Кроме того, на каждое из эссе приводится реакция других авторов. Таким образом, читатель может не только ознакомиться с пятью изложенными позициями, но и критически оценить их.

Автор книги, доктор Эрик Джонсон, описывает историю возникновения современной психологии и реакцию на нее церкви. Она образовалась из секулярных и эволюционистских тенденций позднего модернизма. В ее основу была положена позитивистская научная методология. В 1878 году Вильгельм Вундт основал первую отдельную психологическую лабораторию. Таким образом психология стала отдельной эмпирической наукой. Библейские же и философские источники перестали приниматься во внимание. Вскоре именно такая форма психология стала «единственно официально разрешенной версией психологии в университетах» (с. 22). В церкви же наступил «интеллектуальный кризис в сфере психологии» (с. 23).

Возникший кризис был обусловлен тем, что у церкви была собственная длительная традиция в области психологии. Эта традиция определенно входит в столкновение с современной. Является ли христианская традиция психологии живой или мертвой? Может ли она конкурировать с современной психологией или должна просто капитулировать перед ней? Может ли она обогатиться за счет достижений

современной? Такие вопросы неизбежно должны были возникнуть в церкви.

Как же христиане реагировали на возникновение современной психологии? Джонсон указывает, что некоторые либеральные протестанты и католики приветствовали ее и активно включились в ее становление. Однако это было «одностороннее» движение. Именно психология влияла на церковь, а не наоборот. Консервативные же протестанты были очень пассивны в этом вопросе вплоть до середины XX века. Лишь тогда начали выходить публикации, ставящие перед собой цель рассмотреть психологию и психиатрию с перспективы евангельских христиан.

В 1970 году профессор Вестминстерской теологической семинарии Джей Адамс опубликовал работу «Компетенция консультирования». Он утверждал, что современная психология и психиатрия в фундаментальных вопросах противоречат христианской вере, и что для христианского психологического консультирования Библия является совершенно достаточной. Так был основан подход библейского консультирования.

Далеко не все евангельские христиане были согласны с предложениями д-ра Адамса и его последователей. Потому в 1970-х возникают два других подхода, которые смотрели на современную психологию более благожелательно. Подход уровней объяснения «предусматривает четкое разграничение психологической и богословской дисциплин» (с. 36). Представители интеграционного подхода считают, что «христианская вера и современная психология тесно связаны между собой» и подлежат интеграции (с. 36).

Ближе к концу двадцатого столетия, благодаря развитию христианской философии, возникает направление, которое называют христианской психологией. Эта психология должна «выходить из христианского учения о человеке» и в то же время активно участвовать в научном сообществе (с. 38). В то же время возникает трансформационная психология. По убеждению ее представителей, важным является как стремление понять человека с позиции христианства, так и воплощение христианских принципов в жизни.

Глава, посвященная теории уровней объяснения, написана Дэвидом Маерсом. Автор признает, что он рассматривает и преподает психологию именно так, как она понимается в современном научном сообществе (с. 54). Он убежден, что психологическая наука прекрасно сочетается с христианской верой, в основном подтверждает ее, но иногда бросает вызов некоторым консервативным взглядам (с. 55). Д-р Маерс считает, что

психология занимает свое место в иерархии дисциплин. Одно и то же явление (например, влюбленность) можно описать на разных уровнях — физиологическом, психологическом, социальном, теологическом. Нам необязательно выбирать между способами объяснения или тем более противопоставлять их друг другу. Но их совокупность даст нам лучшее понимание объекта исследования. Маерс подчеркивает, что психология не отвечает на глубинные вопросы бытия, например, о цели или смысле жизни человека, но помогает лучше понять почему «люди мыслят, чувствуют и поступают именно так, а не иначе» (с. 58). Маерс признает, что в психологии неизбежно присутствуют скрытые ценности, которые оказывают влияние на выводы и даже сам язык исследователей. Тем не менее, явления, которые изучает и описывает психология, действительно существуют (с. 58). Автор не считает, что христианская вера и психология совершенно не соприкасаются, и приводит возможные стратегии их соотношения (с. 62). Например, вера мотивирует науку, призывает к ее скептической проверке. В свою очередь, психология может быть полезной для церкви. Можно выявить связи между религиозным и психологическим описаниями человеческой природы. Маерс утверждает, что психологическая наука в основном подтверждает семейные ценности и позитивное влияние веры на жизнь человека. В то же время, он приводит примеры того, как наука, как кажется, бросает вызовы некоторым убеждениям веры, таким как сила молитвы и взгляды на природу гомосексуальности.

Интеграционный подход представляет статья Стентона Джонса. Он подчеркивает, что психология не может не касаться основополагающих вопросов бытия (с. 109), как предлагает д-р Маерс. Его не устраивает предположение, что наука имеет дело лишь с фактами, а религия – с ценностями, и что они не пересекаются, хотя и дополняют друг друга (с. 112). Даже в своей психологической практике он испытывал некоторое напряжение между психологией и своей верой (с. 111).

Он также убежден, что его вера должна оказывать значительное влияние на его занятие психологией (с.112). В то же время д-р Джонс признает, что сама идея интеграции психологии и христианства чужда большинству представителей научного мира. Фактическим консенсусом является априорная отделенность науки от религии. Джонс считает неудовлетворительной попытку полного разделения одного и другого, которую предпринимает Гулд (1999), отдавая науке сферу фактов, а религии – ценностей. Он показывает, что такое разделение априорно и безосновательно исключает всяческое воздействие Бога на мир, Его

чудеса и Его откровение, тем самым искажая религию до неузнаваемости. Позитивистская модель знания – безосновательна (с. 116).

Говоря о христианстве, Джонс имеет в виду не просто доктрину, но живые убеждения ученого, которые и обязательно влияют на его научные взгляды, и определяют его мотивацию к занятию наукой. Сам характер христианства неизбежно оказывает это влияние. Бог действовал и действует в мире. В Своем слове Он истинно открывает нам Себя, и помогает формировать восприятие окружающего мира и нас самих. Джонс признает неизбежную значимость для психологии важнейшего учения христианства о том, что человек является образом Божиим.

Кроме того, Джонс отрицает полностью объективный характер науки. В психологической науке принципиально невозможно избежать «метафизического и этического горизонта» (с. 123). Это делает интеграцию не только возможной, но и необходимой. Посредством этой интеграции психологи-христиане «признают господство Христа над всем, что существует» (с. 124). При этом Джонс признает, что на сегодняшний день конкретных путей для интеграции христианской мысли и научного поиска не существует. Однако он приводит некоторые элементы интеграционного подхода.

Раздел, раскрывающий смысл христианской психологии, описан Р. К. Робертсом и П. Дж. Уотсоном. Авторы подвергают сомнению тезис о существовании одной унифицированной психологической науки. Так, они утверждают, что существующие психотерапевтические практики успешно развиваются, будучи основанными на совершенно различных онтологических представлениях. Кроме того, психология как таковая существовала задолго до возникновения современной психологической науки. Различные философские и религиозные традиции прошлого обладали своими собственными психологиями и психотерапевтическими подходами. Авторы считают, что позитивистский подход к психологии, который пытается унифицировать конкретные черты человеческого характера или поведения, найденные в различных традициях, будет неизбежно уступать в глубине самим этим традициям. Если и можно найти общие черты или добродетели в этих традициях, то то, что стоит за ними, их объяснение и мотивация, будут существенно отличаться (с. 162). На самом же деле такой позитивистский проект существует только в академических кабинетах. Авторы предлагают развивать непосредственно христианскую психологию, используя при этом мощные ресурсы исторического христианства. В качестве модели они предлагают психологию, изложенную в Нагорной проповеди, где описано христианское

видение психологического благополучия человека. Такими ресурсами также служат труды христианских психологов прошлого.

Робертс и Уотсон также настаивают на проведении особых эмпирических исследований в области христианской психологии. Авторы объясняют необходимость проведения подобных исследований тем, что их методы, полученные результаты и их интерпретация неизменно зависят от мировоззренческих оснований психологических школ, которыми они проводятся. Такие исследования помогут христианской психологии сохранить свою идентичность, чувствительность к внешним суждениям и в то же время позволят защититься от необоснованной критики.

В конце концов, авторы настаивают на том, что психология является родной для христианства и должна быть смело направлена на служение церкви.

Джон Г. Коу и Тодд В. Голл написали главу, посвященную амбициозному проекту трансформационной психологии. Их цель состоит не в соединении веры и науки с помощью каких-то критериев и методологий. Они уверены, что психология, как и наука вообще, да и вообще любая деятельность человека должна быть «актом любви» (с. 209) и прославлять Бога. Кроме того, они решительно отвергают модернистское разделение мира на научную и религиозную сферы. Они настаивают, что трансформационная психология является «единственной – хотя и сложной – наукой и психологией реальности» (с. 216). Они не желают исключать духовные реалии из научного дискурса. Они не согласны использовать модернистскую натуралистическую методологию в своих исследованиях. В трансформационной науке нельзя начинать с некоей унифицированной методологии, которая будет определять объект исследования. Напротив, именно объект исследования должен определять методологию. Вновь и вновь авторы настаивают на том, что именно онтология определяет эпистемологию, а не наоборот.

Коу и Голд утверждают, что их намерением является скорее не занятие психологией в границах определенной традиции, а стремление «заглянуть за завесу». В этом состоит существенное отличие этого проекта от христианской психологии, которая делает акцент на христианской психологической традиции. Они же стремятся трансформировать психологию так, чтобы она отвечала Божьему изначальному замыслу относительно ее. В их модели очень важную роль играет личность психолога. Не традиция, а именно человек определяет процесс и конечный продукт психологии. Поэтому авторы и убеждены, что только

психологически здоровый, добрый человек может быть хорошим психологом. Поэтому их проект в большой мере посвящен не только трансформации психологии, но и самого психолога. Авторы усматривают в ветхозаветном мудреце, который успешно описывает окружающую действительность и выносит из нее предписания для человеческого поведения, ту модель психолога, которой хотят подражать.

Библейское консультирование описано Дэвидом Паулисоном. Он начинает свои рассуждения с утверждения, что христианство и есть психология. Конечно, она не дается нам в готовом виде на страницах Библии, но все же «согласованное, всеохватывающее понимание того, как устроены люди, присуще христианскому мышлению» (с. 255). В свою очередь, христианское служение является психотерапией.

Для того чтобы прояснить термин «психология» и обозначить, как он будет соотноситься с библейским консультированием, автор разбивает его на шесть частей или уровней. Психо-1 говорит о том, как человек непосредственно устроен. Это наша повседневная жизнь. Психо-2 собирает и систематизирует данные о людях и их деятельности. Паулисон отвергает мнение, что библейское консультирование считает, что у светской психологии ничему нельзя поучиться. Напротив, он призывает христиан к внимательному непосредственному наблюдению за человеческим бытием и к тому, чтобы учиться у тех, кто знает многое о людях. Это и выдающиеся христианские и светские авторы, и, конечно же, психологи.

На уровне Психо-3 находятся конкурирующие теории человеческой личности. Именно здесь наиболее уместным будет изначальное утверждение, что «христианство — это психология». Ведь никакая наука не останавливается лишь на фактах, но обязательно пытается объединить и интерпретировать их с позиции той или иной теории. И, конечно же, гуманистические и натуралистические интерпретации весьма далеки от христианской. На уровне Психо-4 автор помещает психотерапию, или душетерапию. Еще Фрейд признавал, что работа психотерапевта — это светский аналог пасторского служения. Это, конечно же, прямая сфера работы библейского консультанта. В то же время автор признает значение работы светских психологов. Психо-5 — это институализированная психология, представленная в университетах, клиниках и прочих учреждениях. И, наконец, Психо-6 — это психология как массовый этос, заполнивший популярную культуру. Такое разбитие психологии полезно в работе библейского консультанта. Автор показывает это на конкретном примере.

В заключении д-р Джонсон размышляет над возможностью найти взаимопонимание между приведенными позициями. Он утверждает, что ни в коем случае нельзя считать их взаимоисключающими. Эти подходы рождены в разных средах и для решения разных задач. Потому в одном контексте может быть отдано предпочтение одному из них, в то время как в другом — иному. Само по себе существование пяти различных субтрадиций в более широком контексте христианской психологической традиции делает ее живой. От их взаимодействия и диалога христианство только выиграет. Автор предостерегает против фундаменталистского ограждения от современной психологии, и в то же время предупреждает об опасности раствориться в ней, потеряв собственную христианскую идентичность. Оба эти пути ведут к смерти традиции христианской психологии. Каждый из эффективных подходов должен хранить христианскую идентичность и взаимодействовать с современной психологией в той или иной мере. Нельзя отрицать, что между приведенными взглядами есть существенные различия по ряду важных вопросов. Некоторые из этих различий могут быть взаимоисключающими. Однако другие могут дополнять друг друга и лишь обогатить христианскую традицию психологии и консультирования.

Книга, безусловно, является очень ценным и своевременным изданием, вышедшем на украинском языке. Она послужит и пасторам, и христианским консультантам и психологам, равно как и всем людям, заинтересованным психологией и душепопечением. Безусловно, книга является лишь введением в проблематику, однако она существенно расширит понимание читателем настоящего положения вещей в исследуемой теме. Студенты богословских учреждений, особенно те, кто готовится к пасторскому служению или заинтересован вопросами, связанными со взаимодействием христианской веры и культуры или науки, в целом также почерпнут немало ценной информации. Стоит лишь поблагодарить Украинскую евангельскую теологическую семинарию за столь ценное издание.

Александр Бычков

Магистр богословия, основатель евангельской пресвитерианской церкви в г. Александрия (Украина)